КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го августа. № 15. 1876 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПОУЧЕНІЕ

объ обязанностяхъ православныхъ христіанъ въ отношеніи къ невѣрующимъ и иновѣрцамъ.

Господу Богу угодно, чтобы въ сосѣдствѣ съ нами и даже между нами, брат., жили такіе люди, которые или совсѣмъ не хотятъ вѣровать во Спасителя нашего Іисуса Христа и Его св. ученіе (напр. евреи), или же не хотятъ знать только св. православной церкви и погибельно отдѣляются отъ нея (напр. римско-католики, недавно появившіеся штундисты и др). Мы знаемъ, брат., что *единъ Богъ, единъ и посредникъ между Богомъ и человѣками, человѣкъ Христосъ Іисусъ, предавшій Себя для искупленія всѣхъ* (1 Тим. 2, 5—6) *людей;* знаемъ также, что внѣ православной церкви нельзя спастись. По христіанской любви къ ближнимъ, намъ прискорбно видѣть и слушать людей, которые не хотятъ вмѣстѣ съ нами *единѣми усты и единѣмъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и*

великолѣпное имя Божіе и которые не хотятъ, чтобы у нихъ вмѣстѣ съ нами было *одно сердце и одна душа* (Дѣян. 4, 32). Имѣя въ виду это, св. ап. Павелъ сказалъ: *изъ васъ самихъ востанутъ люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь учениковъ за собою. Посему бодрствуйте!* (Дѣян. 20, 30—31). Будемъ же брат., бодрствовать, будемъ осторожны къ такимъ людямъ. А для того, чтобы и при обращеніи съ людьми, увлекшимися *превратнымъ* ученіемъ намъ остаться чистыми православными христіанами, будемъ помнить слѣдующее:

Прежде всего будемъ знать, что намъ, какъ *рабамъ Господнимъ, не должно ссориться, но быть привѣтливыми ко всѣмъ, учительными, не злобными* (2 Тим. 2, 24) и во всемъ представлять въ себѣ *образецъ добрыхъ дѣлъ, въ учительствѣ чистоту, степенность, не поврежденность, слово здравое, чтобы противникъ былъ посрамленъ, не имѣя ничего сказать о насъ худого* (Тит. 2, 7—8), чтобы другіе, смотря на нашу чистую истинно-христіанскую жизнь, *прославляли Отца* нашего *небеснаго* (Матѳ. 5, 15). Тогда и не православнымъ и не вѣрующимъ людямъ, которые будутъ видѣть нашу добрую жизнь, *дастъ Богъ покаяніе къ познанію истины, чтобы они освободились отъ сѣти діавола, который уловилъ ихъ въ свою волю* (2 Тим. 2, 25—26).

Живя такъ, какъ подобаетъ истиннымъ христіанамъ и стараясь своею жизнію быть образцемъ для другихъ, мы однако не должны оставаться равнодушными къ заблужденіямъ другихъ людей; т. е. намъ нельзя думать, что какъ бы кто ни думалъ въ дѣлѣ вѣры, какъ бы кто ни жилъ по вѣрѣ, намъ нѣтъ до того дѣла. Нѣтъ, мы должны стараться о томъ, чтобы заблудшихъ вразумлять и обращать

на путь истины. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: *если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, выговори ему: и если покается, прости ему* (Лук. 17, 3). Св. ап. Іаковъ пишетъ: *братія, если кто изъ васъ уклонится отъ истины и обратитъ кто его: пусть тотъ знаетъ, что обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его спасетъ душу его отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ* (Іак. 5, 19—20). Св. ап. Павелъ пишетъ къ Солунянамъ: *умоляемъ васъ, братія, вразумляйте безчинныхъ, утѣшайте малодушныхъ, поддерживайте слабыхъ, будьте долготерпѣливы ко всѣмъ.* (Сол. 5, 14).

Конечно, Боже насъ сохрани, употреблять для этого насиліе не только въ дѣлахъ, но даже въ словахъ. Ибо какой можетъ быть тотъ христіанинъ, который увѣровалъ во Христа, потому что его заставили увѣровать силою? Онъ будетъ только казаться христіаниномъ, а на самомъ дѣлѣ будетъ такимъ же, какимъ былъ и до обращенія своего ко Христу. Онъ не будетъ истиннымъ чадомъ Божіимъ, а будетъ только рабомъ и невольникомъ, который только въ глазахъ своего хозяина будетъ исполнять его волю. Но для того, чтобы сдѣлать человѣка истиннымъ христіаниномъ, прежде всего мы сами должны быть *мудры какъ зміи и просты какъ голуби* (Матѳ. 10, 16); *не будемъ не разсудительны, но будемъ познавать, что есть воля Божія* (Ефес. 5, 17); *слово наше да будетъ всегда съ благодатію, приправлено солью, дабы мы знали, какъ отвѣчать каждому* (Колос. 4, 6). Потомъ мы должны быть кротки и употреблять для обращенія и вразумленія заблудшихъ только то, что согласно съ словомъ Божіимъ. Самъ Спаситель нашъ, пришедшій на землю *грѣшныя спасти*, видѣлъ на земли множество пороковъ и заблужденій въ вѣрѣ и

въ дѣлахъ человѣческихъ. Но, какъ говорилъ о немъ пророкъ Исаія, Онъ такъ кротокъ, что *трости сокрушены не сотретъ и льна курящагося не угаситъ, но во истину износитъ судъ* (Ис. 42, 3). Такую же кротость въ приведеніи людей къ Себѣ Спаситель заповѣдалъ и св. апостоламъ (Матѳ. 13, 24—30), которые заповѣдали и намъ то же, чему научилъ ихъ Небесный Учитель (2 Тим 24—25). И св. православная церковь наша въ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ всегда поступала и поступаетъ согласно ученію Господа Іисуса Христа и св. его апостоловъ. (Соб. Карѳ. пр. 77 въ кн. прав.). Будемъ же брат., стараться вразумлять тѣхъ несчастныхъ, которые заблуждаются въ истинахъ св. православной вѣры и удаляются отъ св. православной церкви. Научимъ ихъ быть чадами Божіими не наружно только, а такъ, чтобы они возлюбили Бога и Его св. церковь всѣмъ сердцемъ, всею душею и всею мыслію своею. Если мы хотя одному заблудившемуся поможемъ обратиться на путь истины, то будемъ знать, *что на небесахъ болѣе радости будетъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девяноста девяти праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи* (Лук 15, 7).

Но, обращая заблудившихся, будемъ остерегаться, чтобы и самимъ намъ какъ-нибудь не увлечься ихъ заблужденіями. Діаволъ—это нашъ вѣчный врагъ; онъ не спитъ. *Онъ ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить* (1 Петр. 5, 8). Посему *да дастъ намъ Господъ разумъ во всемъ* (2 Тим. 6, 5); старайтесь быть *не укоризненными и чистыми, чадами Божіими непорочными среди строптиваго и развращеннаго рода, въ которомъ вы сіяете, какъ свѣтила въ мірѣ* (Филипис. 2, 15); будемъ осторожны, *чтобы не увлечься заблужденіемъ*

беззаконниковъ и не отпасть отъ своего утвержденія (2 Петр. 3, 17). Если замѣтите опасность увлечься заблужденіемъ, то лучше отъ такихъ людей *отступить* (1 Тимоѳ. 6, 5). Во всякомъ же случаѣ, если вы въ разговорѣ съ заблудившимся чего-нибудь не поймете относительно истинъ св. православной вѣры, то сейчасъ же обращайтесь къ пастырямъ св. православной церкви, которые наставятъ васъ въ истинѣ. Такъ заповѣдуетъ св. ап. Павелъ (Евр. 13, 17 Гал. 6, 1); такъ дѣлали еще первые христіане; такъ поступали наши предки и такъ дѣлаютъ многіе изъ васъ.

Еще одна и, можно сказать, самая первая обязанность наша по отношенію къ невѣрующимъ и иновѣрцамъ. Мы знаемъ, что Господь Богъ не хочетъ ни чьей погибели. Онъ милосердный, *хочетъ, чтобы всѣ люди спаслисъ и достигли познанія истины* (1 Тим. 2, 4). Знаемъ мы также и то, что мы обязаны *молиться другъ за друга*, потому что *много можетъ усиленная молитва праведнаго* (Іак. 5, 16). Поэтому, будемъ непрестанно молиться Господу Богу, чтобы Онъ, милосердный, вразумилъ несчастныхъ, заблуждающихся отъ истиннаго пути ко спасенію, и Господь Богъ, славы ради святаго имени Своего, вѣруемъ, пошлетъ намъ утѣшеніе видѣть заблудшихъ обращающимися. Аминь.

Таращанскаго уѣзда села Крутыхъ-Горбовъ
священникъ *Іоаннъ Лавитскій*.

ИЗЪ ПАЛЕСТИНСКИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Іерусалимъ съ Елеона.

Ты говорилъ, пѣвецъ державный,
Любуясь городомъ своимъ:
«Пойдите, обойдите славный
«Сіонъ мой, весь Іерусалимъ:
«Пересчитайте, сколько башенъ,
«Вглядитесь въ крѣпости его,
«И какъ чертогами украшенъ
«Избранникъ царства моего;
«Не взоромъ лишь, не мимоходомъ,
«Глядите сердцемъ на Сіонъ,
«Чтобъ вы могли грядущимъ родамъ
«Пересказать, какъ славенъ онъ!»

И ты не льстилъ ему на лирѣ:
Молва гремитъ—онъ былъ хорошъ;
Во всемъ обширномъ Божьемъ мірѣ
Такого больше не найдешь.
Онъ былъ!.. но палъ въ своей гордынѣ,
И вотъ отъ города того
На камнѣ камня нѣтъ ужъ нынѣ,
По слову Господа его.
Взглянулъ бы ты, поэтъ великій,
Что̀ сталось съ городомъ твоимъ:
Не удержалъ бы въ сердцѣ крика
И зарыдалъ бы передъ нимъ.
Теперь твой городъ словно нищій,
Что грустно къ бѣдствіямъ привыкъ,
И лишь на старомъ пепелищѣ
Упорно держится старикъ.

Онъ знойнымъ воздухомъ обвѣянъ,
Изъѣденъ алчностью бѣды,
Дырами, пятнами усѣянъ,
Какъ-бы лохмотьями нужды.
Онъ смотритъ высохшимъ скелетомъ,
Съ клочкомъ зеленымъ на главѣ,
И тусклымъ сѣро-желтымъ цвѣтомъ
Пестритъ въ небесной синевѣ.
Его пріютъ—или трущобы,
Что вотъ обрушатся какъ разъ,
Или повапленные гробы,
Въ сіяньи тягостномъ для глазъ.
Въ воспоминаньяхъ жизни грѣшной,
Въ сознаньи горя своего,
Молчитъ онъ, блѣдный, безутѣшный,
И тишина кругомъ его.
И только въ рѣдкое мгновенье—
И то въ живомъ воображеньи—
Подъ этой ветошью своей,
Онъ смотритъ городомъ царей.

Но стихнетъ пламя небосклона,
Какъ виденъ весь Іерусалимъ
Съ священной выси Елеона,
Какъ заглядишься передъ нимъ!
Вы подымаетесь—и съ вами
Онъ подымается и самъ,
И всѣми храмами, домами
Вдали растетъ онъ къ небесамъ.
Вотъ весь онъ ясно развернулся
Раскрытой книгою для васъ:

И духъ вашъ чутко встрепенулся,
И взоръ прикованъ долгій часъ.
Широкій поясъ стѣнъ зубчатыхъ,
Воротъ чернѣющая тьма;
Ряды отлогостей покатыхъ,
Куполовидные дома;
И въ ихъ волнистомъ океанѣ
Кривыхъ и тѣсныхъ улицъ сѣть;
И на единственной полянѣ
Омара синяя мечеть;
А въ глубинѣ, среди стѣсненья,
Вершины храмовъ пресвятыхъ—
Христова Гроба, Воскресенья,
И минареты подлѣ нихъ;
А тамъ Сіонъ—и на вершинѣ
Деревья скудной полосой:—
Все ясно въ немъ... но сердцу нынѣ
Онъ дышетъ призрачной красой.
Чѣмъ дольше смотришь, тѣмъ яснѣе
Его минувшее сквозитъ,
И настоящее грустнѣе,
И сердце стонетъ и болитъ...
Во всей окрестности сосѣдней
Лишь ты, высокій Елеонъ,
Остался славою послѣдней
Его блистательныхъ временъ.

Но всё-же видъ Іерусалима,
Съ его таинственной судьбой,
Плѣняетъ насъ неодолимо
И долго держитъ предъ собой.

И взоръ любаго иновѣрца
Не можетъ глянуть на него
Безъ сильнаго біенья сердца,
Безъ боли духа своего.
А тѣмъ, кто странствуетъ смиренно
Узрѣть святѣйшія мѣста,
Какъ тяжелѣе несравненно
Его печаль и нищета!
И гдѣ тотъ праведный, виновный,
Кто здѣсь бы тронуться не могъ:
Какъ человѣкъ, какъ братъ нашъ кровный,
Здѣсь жилъ, страдалъ и умеръ Богъ;
Здѣсь просіяло воскресенье;
Здѣсь гробъ Его остался намъ;
Здѣсь даровалъ Онъ утѣшенье,
Что вѣчно близокъ Онъ сердцамъ,
Что Онъ явился насъ избавить,
Что мы воскреснемъ, будемъ съ Нимъ:
Вотъ дорогъ чѣмъ Іерусалимъ,
И тяжело его оставить!
Надежда *жизни* вѣчной въ немъ,
Надежда *милости* загробной...
Когда жъ, въ величіи своемъ,
Востанетъ самъ онъ, градъ прискорбный?
Когда пройдетъ его позоръ,
Иноплеменное занятье,
Пустырь полей, безлюдье горъ?..
О, страшно Божіе проклятье!
Когда жъ достигнутъ до небесъ
И вопль людей и стоны клира?
Ахъ, пощади, Правитель міра,

Краеугольный градъ чудесъ;
Воздвигни снова изъ развалинъ;
Излей обиліе щедротъ;
Взгляни, какъ тяжко онъ печаленъ,
Какъ много горя онъ несетъ;
Чтò времени прошло!... О, время
Его помиловать Тебѣ!
Во всѣхъ концахъ людское племя
Болитъ о злой его судьбѣ,
Къ нему текутъ, благоговѣютъ,
И слезы скорби льютъ ручьемъ,
И эти камни любятъ въ немъ,
И самый прахъ его жалѣютъ....

Іерусалимъ.
Октябрь 1873 г.

С. Пономаревъ.

Къ некрологу, помѣщенному въ № 13-мъ.

РѢЧИ ПРИ ПОГРЕБЕНІИ СВЯЩЕННИКА КІЕВО-ПОДОЛЬСКОЙ ІОРДАНСКОЙ ЦЕРКВИ о. ІОАННА ТОМАШЕВСКАГО.

I.

Рѣчь протоіерея А. М. Воскресенскаго.

Почившій о Господѣ собратъ и сослужитель!

При взглядѣ на твой бездыханный трупъ,—на твою престарѣлую мать,—на твое осиротѣвшее семейство,—на твоихъ духовныхъ чадъ, лишившихся своего добраго пастыря,—на твоихъ юныхъ питомцевъ, потерявшихъ въ тебѣ своего руководителя въ вѣрѣ и нравственности, при взглядѣ на всѣхъ—съ скорбію въ сердцѣ, съ слезами на глазахъ собравшихся къ твоему гробу, чтобы дать тебѣ послѣднее цѣлованіе, невольно задумываешься и задаешь себѣ вопросъ: зачѣмъ такъ преждевременъ исходъ твой изъ сей жизни?

Едва преполовилъ ты теченіе дней своихъ, не успѣли юные птенцы твои окрѣпнуть и развиться подъ крылами твоей родительской любви и попеченія объ нихъ, какъ лютая смерть исхитила тебя изъ среды живыхъ... О, смерть, смерть! какъ не разборчива, или, лучше сказать, какъ слишкомъ разборчива ты въ выборѣ жертвъ своихъ! Мало ли для тебя лицъ, согбенныхъ лѣтами, удрученныхъ недугами, нуждами и скорбями, которые сами давно желали-бы успокоиться въ материнскихъ нѣдрахъ земли; но ты нерѣдко обходишь эти жертвы и долго, долго заставляешь ихъ ожидать себя, а между тѣмъ похищаешь изъ среды живыхъ тѣхъ, жизнь которыхъ была отрадою и необходимостію для многихъ?..

Но, Господи и Владыко живота нашего! сколько бы страждущее сердце ни возбуждало мрачныхъ мыслей о ранней утратѣ почившаго, сколько бы ни былъ тяжелъ крестъ этой утраты для престарѣлой матери, для осиротѣвшаго семейства, мы съ полною, сыновнею покорностію преклоняемся у сего гроба предъ вседержавнымъ Твоимъ изволеніемъ. Ты воззвалъ къ Себѣ усопшаго, по нашимъ расчетамъ, преждевременно и даже неблаговременно для осиротѣвшаго семейства, имѣвшаго въ немъ единственную опору своей жизни; но если-бы предъ очами нашими приподнята была завѣса вѣчности, мы, безъ сомнѣнія, увидѣли-бы, что часъ исхода усопшаго отъ насъ былъ самый лучшій часъ для его вступленія въ ту область бытія высшаго, непрестающаго, куда и всѣмъ намъ рано или поздно должно идти, и въ сравненіи съ которымъ земная наша жизнь не болѣе, какъ тяжелое сновидѣніе. Поэтому будемъ и плакать надъ усопшимъ съ твердою увѣренностію, что смерть его благотворный для него сонъ успокоенія отъ земныхъ заботъ

и трудовъ, за которымъ послѣдуетъ всеобщее радостное пробужденіе, и сострадать будемъ осиротѣвшему семейству съ полнымъ упованіемъ, что Господь, взявшій отца у юныхъ птенцовъ, Самъ будетъ имъ отцемъ и покровителемъ.... А чтобы добрая память о почившемъ не ослабѣла въ душахъ нашихъ по разлукѣ съ нимъ, какъ можно глубже напечатлѣемъ въ сердцахъ своихъ тѣ свѣтлыя черты образа его души, которыми онъ стяжалъ себѣ непритворную любовь и уваженіе всѣхъ знавшихъ его. При этомъ—и разлука будетъ не столь горестна и утрата не столь тяжела. Прости меня, собратъ и сослужитель, если я въ поученіе себѣ и въ примѣръ для подражанія укажу на—достойныя этого—высокія качества твоей души, которыхъ ты не любилъ выставлять на показъ.

Первѣе всего и преимущественно предъ всѣмъ да напечатлѣется въ сердцахъ нашихъ мирный твой исходъ изъ сей жизни. На каждомъ богослуженіи св. церковь отъ лица чадъ своихъ молитъ Господа, чтобы Онъ даровалъ каждому изъ насъ, какъ особенное благо, христіанскую кончину живота нашего безболѣзненную, непостыдную, мирную... Это высочайшее благо и даровано тебѣ, почившій собратъ. Тяжкая болѣзнь видимо приближала тебя ко гробу; ты предчувствовалъ и сознавалъ близкій свой исходъ: «днемъ раньше умереть, или днемъ позже, это все равно», сказалъ ты мнѣ при послѣднемъ свиданіи. Но это сознаніе близости смерти не подавляло тебя, не приводило въ уныніе, въ отчаяніе, какъ бываетъ со многими; ничѣмъ ты не высказалъ привязанности къ жизни, къ чему-либо земному; твоя душа стремилась къ источнику вѣчной жизни. И вотъ ты, напутствовавъ себя св. таинствами евхаристіи и елеосвященія, съ христіанскимъ спокойствіемъ ожидалъ исхода

Отъ Московскаго Славянскаго Комитета.

Неистовства, звѣрства, бѣшеный разгулъ самыхъ дикихъ страстей, сожиганія заживо дѣвицъ, напередъ поруганныхъ и обезчещенныхъ, истребленіе мирныхъ жителей десятками тысячъ, опустошеніе цѣлаго края огнемъ и мечемъ,—всѣ роды мукъ и бѣдъ обрушены нынѣ на безоружное болгарское населеніе разсвирѣпѣвшимъ изувѣрствомъ азіатской орды, сидящей на развалинахъ древняго, великаго православнаго царства и другихъ православныхъ, славянскихъ державъ. Нѣкогда обузданная русскими государями, но за тѣмъ, изъ зависти къ Россіи и ненависти къ славянству, вновь возвеличенная совокупными усиліями всей западной Европы; введенная ею въ семью христіанскихъ государствъ, размалеванная ею румянами и бѣлилами европейской цивилизаціи, эта орда, эта Турція, это чудовищное зло и чудовищная ложь замышляетъ теперь, на глазахъ всей Европы, растоптать болгарское племя и сломить въ своихъ предѣлахъ послѣдній оплотъ славянской народности — Сербію и Черногорію. Но чаша долготерпѣнія, даже и славянскаго, переполнилась. Искра зажженная герцеговинскимъ отчаяніемъ, разгорѣлась въ широкое пламя. Встаетъ Болгарія, сербская и черногорская рать ринулась въ бой,— начинается страшная, кровавая, послѣдняя борьба славянства съ исламомъ. Для славянъ это борьба на жизнь и смерть; они рѣшились добиться независимости или погибнуть. Нѣтъ у нихъ ни оружія въ достаткѣ, ни денегъ, некогда воздѣлывать поля, ни призирать женъ и дѣтей, остающихся безъ крова и пищи. Въ то время, какъ англійское министерство одушевляетъ Турцію нравственною и матеріальною поддержкою, а Австро-Венгрія какъ бы желѣзной стѣной, по всей своей обширной границѣ, ограждаетъ Турцію отъ провоза къ воюющимъ славянамъ оружія и хлѣба, остальныя западно-европейскія державы присутствуютъ безучастно при неравномъ, убійственномъ спорѣ, готовыя вырвать плоды побѣды у христіанъ, если Богъ благословитъ ихъ побѣдой.

За что же такъ долго, такъ упорно удерживаетъ Европа эти несчастныя племена въ оковахъ позорнаго рабства? За что страждутъ такъ ужасно и такъ давно болгары и сербы? За то единственно, что они православные и славяне, что они единовѣрны и единоплеменны съ Россіей. Вотъ за какой грѣхъ они казнятся, и нѣтъ у нихъ защитниковъ во всемъ мірѣ, **кромѣ одной Россіи**... Но развѣ этого мало?

Предоставляя разрѣшеніе этого вопроса въ отношеніи политическомъ высшимъ соображеніямъ,—Московскій Славянскій Комитетъ взываетъ къ русской общественной совѣсти и молитъ о помощи жертвамъ возстанія, казнящимся за грѣхъ православія, за грѣхъ единовѣрія и единоплеменность съ нами! Пособить мы, общество и народъ, можемъ и право имѣемъ только деньгами. Съ самаго начала герцеговинской борьбы русское духовенство на всемъ пространствѣ Россіи, отъ архипастырей до сельскихъ священниковъ, явилось вѣрнымъ и ревностнымъ ходатаемъ предъ Русскою землею о нуждахъ нашихъ славянскихъ братій и краснорѣчиво доказало, что вмѣстѣ съ чувствомъ христіанскаго милосердія оно хранитъ въ себѣ неизмѣнно живое народное чувство и вѣрное разумѣніе русскаго историческаго призванія и долга. Да окажетъ же наше высокочтимое духовенство свое содѣйствіе Комитету и въ настоящемъ случаѣ, и съ молитвою о ниспосланіи нашимъ братьямъ побѣды и одолѣнія на враговъ, да приступитъ къ новому сбору пожертвованій.

Пожертвованія принимаются, по прежнему:

Въ Москвѣ: у вице-президента Слявянскаго комитета **Ивана Сергѣевича Аксакова** (въ Правленіи Московскаго общества взаимнаго кредита на Варваркѣ, домъ Баранова); у секретаря комитета **Нила Александровича Попова** (на Сѣнной, у Смоленскаго бульвара, домъ Брока), у казначея комитета **Николая Абрамовича Зубкова** (у Плющихи, Неопалимовскій переулокъ, домъ Григорьевой); у членовъ комитета: **Николая Петровича Ланина** (въ его конторѣ, у Биржи домъ Чижовой и Лопатиной); **Алексѣя Дмитріевича Лопашева** (на Варваркѣ, домъ Николаевой); **Николая Васильевича Павлова** (въ правленіи Московско-Ярославской желѣзной дороги); въ редакціи **Современныхъ Извѣстій**; на текущій счетъ Комитета въ **Московскомъ Купеческомъ банкѣ** (на Ильинкѣ, домъ банка).

Въ Харьковѣ, у **Григорія Андреевича Коренева** (въ Харьковскомъ торговомъ банкѣ).

Типогр. Современ. Извѣст., Знаменка, Ваган. пер., Александр. под. Дозволено цензурою. Москва, 28 іюня 1876 г.

въ другую жизнь, и, поручивъ попеченію Отца небеснаго свою престарѣлую мать и осиротѣвающую семью, самъ дѣлалъ распоряженія о всемъ, что нужно для сокрытія бреннаго тѣла въ хладную могилу: самъ заказывалъ себѣ гробъ, самъ выбиралъ себѣ облачальную одежду и мѣсто для могилы.... Кто-бы изъ насъ не желалъ себѣ такого мирнаго исхода изъ сей жизни, исхода съ сохраненіемъ полнаго сознанія и спокойствія духа, съ полною преданностію волѣ Божіей? Все, все говорило въ послѣдніе часы твоей жизни, что ты въ руцѣ Господни предаешь духъ свой... Скажи же намъ, чѣмъ ты заслужилъ эту величайшую милость Божію? Преподай наставленіе, какъ и намъ удостоиться этого блага? Ты безмолвствуешь.... но твоя жизнь даетъ намъ ключь къ разгадкѣ, хотя отчасти, этой великой тайны.

Вся твоя жизнь, усопшій собратъ, была проявленіемъ тѣхъ христіанскихъ добродѣтелей и подвиговъ, которыми снискиваются милости Отца небеснаго. Лишившись въ дѣтствѣ отца, съ первымъ возрастомъ ты долженъ былъ помогать своей матери въ трудахъ, и этимъ рано пріучилъ себя къ трудолюбію, которымъ отличался потомъ и во всю жизнь. Нужды и скорби сиротства пріучали тебя къ терпѣнію, къ благодушному перенесенію всѣхъ лишеній и невзгодъ жизни, къ христіанскому упованію на промыслительную десницу Божію, поддерживающую и питающую сиротъ. Благодѣянія, оказанныя любовію и сострадательностію къ сиротству, особенно въ дѣлѣ воспитанія, развили въ сердцѣ твоемъ чувства любви къ ближнему, по которой ты былъ добрымъ товарищемъ въ школѣ, добрымъ другомъ и сослуживцемъ на поприщѣ общественной дѣятельности. А твое простодушіе, твое всегда искреннее, правдивое, не терпѣвшее ни

лести, ни лжи слово, твой свѣтлый взглядъ на все—невольно располагалъ къ тебѣ каждаго, кто вступалъ въ знакомство съ тобой.

По окончаніи воспитанія и академическаго образованія ты принялъ на себя высокую и вмѣстѣ трудную, особенно по мѣстности настоящаго прихода и состоянію прихожанъ, обязанность пастыря словесныхъ овецъ, и затѣмъ—должность законоучителя въ кіево-подольскихъ приходскихъ училищахъ, въ сиротскомъ домѣ, въ прогимназіи и наконецъ въ гимназіи. Пусть духовныя дѣти твои, съ такою любовію собравшіеся къ твоему гробу, съ глубокою скорбію оплакивающіе твою преждевременную разлуку съ ними, сами будутъ свидѣтелями твоего благоговѣйнаго служенія алтарю Господню, твоихъ тяжелыхъ трудовъ при неотложномъ удовлетвореніи ихъ духовныхъ нуждъ, твоего безкорыстія, твоей любви къ бѣднымъ и страждущимъ, которыхъ не мало въ твоемъ приходѣ; пусть твой маститый лѣтами сотрудникъ по наблюденію надъ храмомъ Божіимъ засвидѣтельствуетъ о неусыпной твоей заботливости сперва о приведеніи сего св. храма въ болѣе благолѣпный противъ прежняго видъ и затѣмъ—о твоемъ стараніи собрать средства для постройки новаго храма, въ чемъ ты не мало и успѣлъ уже; пусть начальникъ гимназіи, наставники, воспитанники, всѣ—въ цѣломъ составѣ здѣсь присутствующіе повѣдаютъ о твоей преданности св. дѣлу религіознаго обученія и воспитанія, о твоей заботливости внѣдрить въ юныя души и сердца начала св. вѣры и христіанской нравственности, о твоемъ умѣньи расположить къ себѣ юныя сердца на столько, что каждое твое слово глубоко западало въ душу и пускало добрые ростки. Да, усопшій собратъ, имя твое долго,—потому что нѣтъ ничего вѣчнаго на землѣ,—долго не будетъ

забыто и предъ олтаремъ сего св. храма и въ молитвахъ домашнихъ,—что̀ выпадаетъ на долю не всякаго подобнаго тебѣ дѣятеля...

Можетъ быть ранніе въ сиротствѣ труды, невзгоды и лишенія положили начало твоимъ болѣзнямъ... только вообще ты не отличался крѣпостію физическихъ силъ,—затѣмъ—труды, заботы и разныя непріятности въ жизни, твоя ревность къ дѣятельности истощили твой и безъ того слабый организмъ. Въ послѣднее время ты таялъ и сгоралъ, какъ свѣча; но въ это-то тяжелое время вполнѣ раскрылись въ тебѣ и окрѣпли христіанскія качества безропотнаго терпѣнія и совершенной преданности въ волю Божію, съ которыми и отошелъ ты мирно ко Господу. Будемъ надѣяться, что, послѣ мирной кончины, и добрый отвѣтъ дашь ты на страшномъ судищи Христвомъ. Итакъ—блаженъ путь, въ оньже идеши ты, усопшій собратъ и сослужитель. Дай, Господи, и каждому изъ насъ при кончинѣ своей получить то, что даровано тебѣ!

Осиротѣвшая супруга и вы малютки—дѣти! Ваше горе, ваши слезы потрясаютъ душу... Въ утѣшеніе себѣ не забывайте того, что могилою не прерывается наше общеніе съ усопшимъ. Св. церковь указываетъ намъ продолженіе этого общенія въ молитвѣ. Въ ней изливайте свою скорбь предъ Господомъ, въ ней ищите облегченіе своей печали. Подражайте терпѣнію усопшаго, его преданности волѣ Божіей,—и Господь не оставитъ васъ безъ утѣшенія и помощи.

А всѣ мы, братіе, внимая молитвенному гласу св. церкви, который влагаетъ она въ уста усопшаго—«воспоминаю вамъ братіе мои и чада и друзи мои, не забывайте мя, егда молитеся Господу»—вознесемъ и будемъ возносить теплыя мольбы, да упокоитъ Господь душу раба

своего священно-іерея Іоанна въ селеніи праведныхъ, въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ прохладнѣ, идѣже нѣсть болѣзнь ни печаль, ни воздыханіе. Аминь.

II.

Рѣчь законоучителя кіевской военной гимназіи, П. А. Троцкаго.

Христосъ воскресе; брат. мои! Христосъ воскресе! и тебѣ привѣтъ мой, собратъ нашъ почившій. Привѣтствую я и тебя, въ томъ несомнѣнномъ упованіи, что хотя ты теперь и мертвъ тѣломъ, но живъ духомъ, что твоя душа и теперь готова бесѣдовать съ нами въ промежутокъ нашихъ молитвъ о тебѣ и съ тобою. И мы готовы начать бесѣду съ тобою и о тебѣ....

Въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, обыкновенно говорятъ о заслугахъ почившихъ, объ ихъ нравственныхъ качествахъ, припоминаютъ особенные случаи изъ жизни почившихъ, говорящіе въ ихъ пользу; словомъ припоминаютъ все то, что служитъ къ очертанію образа почившаго въ лучшихъ его сторонахъ. Нагробныя рѣчи въ такихъ случаяхъ иногда выходятъ похвальными рѣчами, правду сказать иногда съ преувеличеніями, оскорбляющими правдивое чувство и живыхъ и мертвыхъ. Почившій собратъ! я близко знаю тебя, знаю, что всякое преувеличенное слово о тебѣ ты остановилъ бы самъ, прежде всего. Лести и неправды, въ какомъ-бы видѣ она не являлась, даже и о тебѣ самомъ, ты не любилъ. Потому, боясь оскорбить твою память въ настоящія, важныя для тебя и для насъ минуты, я только мелькомъ, намеками пробѣгу твою жизнь и постараюсь высказать только то, что ты самъ навѣрное сказалъ-бы о себѣ, если-бы теперь всталъ изъ гроба.

Друзи мои! такъ-бы повѣдалъ намъ о себѣ почившій: не красна жизнь моя отъ колыбели и до гроба. Трудъ съ разнаго рода лишеніями, тяжелый крестъ выпалъ и на мою долю въ земной моей жизни. Я даже удивляюсь, какъ, подъ тяжестію этого креста, я не палъ раньше, когда падали вокругъ меня десятки моихъ сверстниковъ и товарищей и по школамъ и по службѣ; я удивляюсь какъ я, не затерся въ той бѣдной жалкой средѣ, въ которой глохли многіе, особенно глохли въ прежнее время. Благодарю Господа Бога моего за все то, чѣмъ Онъ, Милосердный, одарилъ меня отъ рожденія и чѣмъ одарилъ и поддерживалъ меня во все время моей трудовой, очень трудовой жизни... Иногда слышится въ обществѣ, что жизнь священника, а тѣмъ болѣе священника городскаго, и покойная и легкая и обезпеченная,—словомъ завидная. Но отъ чего такъ мало охотниковъ на эту должность, особенно въ послѣднее время между людьми достойными, особенно между людьми, имѣющими въ виду другія должности, повидимому и безпокойныя и тяжелыя и необезпеченныя?! Почившій и при жизни, сколько мнѣ помнится, не мало говорилъ на эту тему. Я думаю, что и теперь, если-бы онъ могъ заговорить къ намъ изъ гроба, онъ со всѣмъ жаромъ заговорилъ-бы намъ противъ легкости священнической службы, особенно въ наше время какой-то распущенности, и противъ ея обезпеченности. При всѣхъ своихъ 16-лѣтнихъ трудахъ, и какъ приходскаго пастыря и какъ законоучителя въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, при всей скромной жизни своей, покойный едва оставляетъ для своей осиротѣлой семьи собственный уголъ, пріютъ; а чѣмъ они будутъ кормиться, про то Богъ знаетъ. А на счетъ легкости священнической службы, покойный, вѣроятно, указалъ-бы на то, что за 16 лѣтъ, изъ числа

четырехъ его товарищей по образованію, несшихъ священническую должность въ Кіевѣ, теперь остается только одинъ.

Но въ устахъ почившаго собрата нашего замолкли всякія жалобы на жизнь. Можетъ быть онъ предпочелъ-бы сказать намъ теперь о плодахъ своей многотрудной, хотя и не долгой жизни!.. Но думаемъ, что и на этотъ предметъ почившій затруднился бы отвѣчать, и не потому, что не нашлось-бы что отвѣчать, а единственно по своей скромности. Да брат. мои, Богъ видитъ скромную дѣятельность священника, и что она не безплодна. Наученіе и утвержденіе въ вѣрѣ присныхъ; возрожденіе, укрѣпленіе и освященіе чадъ Божіихъ во святыхъ таинствахъ христіанскихъ, совершеніе божественныхъ службъ, совершеніе частое, усердное,—развѣ все это могло остаться безплоднымъ.... Мы вѣримъ, почившій сослужитель нашъ, что сѣмена, тобою здѣсь посѣянныя за твою 16-лѣтнюю службу, иныя уже возрасли, а иныя возрастутъ еще къ чести твоей. Мы вѣримъ, что въ нынѣшнія минуты сонмъ душъ, тобою или возрожденныхъ силою благодати Святаго Духа, или тобою воспитанныхъ или-же тобою напутствованныхъ въ загробную жизнь, теперь окружаетъ тебя съ благодареніемъ и утѣшеніемъ. Да, если когда, то теперь дѣла твои вслѣдъ тебя ходятъ, и думаемъ, не къ печали твоей.

При всемъ томъ, въ настоящія минуты мы ясно слышимъ отъ тебя, почившій, не рѣчь самовосхваленія и самодовольствія, а мольбу о прощеніи и о молитвахъ за тебя ко Господу. «Братья и друзи мои, знаеміи и незнаеміи, взываетъ усильно взываетъ къ намъ почившій, —объ одномъ всѣхъ васъ прошу и молю: простите меня и молитесь за меня ко Господу. Прости меня моя семья: труды и непріятности по службѣ, болѣзни и особенно та, которая свела

меня въ могилу, раздражали меня, и я волею—неволею иногда обижалъ, огорчалъ васъ, какъ ближайшихъ къ себѣ. Прости меня, моя скорбящая семья, и молясь о себѣ, молись и за меня. Друзи мои и сродницы,—не безупреченъ я и въ отношеніи къ вамъ: очень могло быть, что я не оказалъ и въ отношеніи къ вамъ столько любви, сколько слѣдовало-бы; не поминайте меня зломъ и молитесь за меня ко-Господу. Чада мои духовные, мои пасомые! Сознаю я и глубоко чувствую, что долгъ пастыря и учителя духовнаго далеко не исполненъ мною, какъ бы слѣдовало его исполнить. Боюся грознаго суда Божія, изреченнаго на пастырей еще пророкомъ Іеремією: «*се Азъ на пастыри!*» Боюсь и жду отъ васъ всепрощенія и молитвъ ко Господу. Воспоминаю вамъ еще и еще, брат. мои, и чада и друзи мои, не забывайте-мя, егда молитеся ко Господу: молю, прошу и мился дѣю, навыкайте симъ въ память, и плачите мене день и нощь». (Стих. на погреб. свящ.) Прощаемъ тебя, душа почившая, молимся о тебѣ, и даемъ обѣщаніе молиться, да упокоитъ Господь душу твою въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, идѣже вси праведніи почиваютъ. Аминь.

III.

Рѣчь преподавателя кіевской 3-й гимназіи, К. Н. Жука.

Черезъ нѣсколько минутъ сырая земля покроетъ твои—отецъ Іоаннъ—бренные останки; но ты живъ между нами, живъ духъ твой, витающій въ этомъ храмѣ нашей общей молитвы, жива, и долго будетъ жить, добрая память о тебѣ, нашъ добрый, незабвенный духовный отецъ и товарищъ!

Да, мы не можемъ забыть того товарища, который съ юношескихъ лѣтъ, со скамьи академіи мечталъ о дѣя-

тельности педагога. Принявъ санъ священника онъ больше прежняго сталъ интересоваться школой, усердно работая съ 1865 года, какъ учитель закона Божія въ приходскихъ училищахъ и сиротскомъ пріютѣ. Трудъ этотъ доставался ему не легко. Многолюдство классовъ, отдаленность училищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выполненіе имъ прямыхъ своихъ обязанностей, какъ приходскаго священника, все это не могло остаться безъ вліянія на его здоровье. Подъ этой, подъ часъ превышающей его слабыя физическія силы, работой развился и окрѣпъ его энергическій и сильный характеръ. Три года тому назадъ, отецъ Іоаннъ былъ назначенъ законоучителемъ въ нашу 3-ю гимназію. Открылось новое поле дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ новыя трудности. Готовясь къ урокамъ, живо интересуясь всякимъ педагогическимъ вопросомъ, покойникъ проводилъ всѣ свои досужные часы въ занятіяхъ, служа дѣлу истиннаго просвѣщенія молодаго поколѣнія. Съ какимъ уваженіемъ вспоминаетъ каждый изъ насъ, его товарищей по службѣ, ту искреннюю любовь и то теплое сочувствіе, съ которыми онъ всегда относился къ каждому изъ воспитанниковъ, то умѣніе вникнуть въ каждый, даже по видимому мелкій, фактъ, указывающій на возможность исправленія провинившагося. Не изгладится изъ памяти учениковъ та ясность, съ которой покойный ихъ учитель умѣлъ излагать самые трудные вопросы. Кому не извѣстна его постоянная готовность помочь всякому нуждающемуся, хотя-бы въ ущербъ самому себѣ! Кто забудетъ его аккуратность и крайнюю добросовѣстность въ выполненіи своихъ обязанностей! Разъ подкошенное трудами здоровье, часто напоминало отцу Іоанну, что слѣдуетъ беречь его; но впечатлительная натура не переставала громко откликаться на каждое явленіе школьной жизни.

Изнуренный болѣзнью, онъ продолжалъ являться въ классъ, даже не задолго передъ смертью, и внятнымъ голосомъ диктовалъ программы пройденнаго имъ курса, чтобы, послѣ его смерти, не потребовали отъ учениковъ чего-нибудь, не проработаннаго имъ на урокахъ. Эта рачительность и добросовѣстность не давали покоя его усталому и изнуренному непрестаннымъ трудомъ тѣлу.

Болѣзнь взяла свое и тебя нѣтъ между нами. Но память о тебѣ, честный труженикъ,—долго питать будетъ самыя лучшія мысли въ твоихъ воспитанникахъ и друзьяхъ. Прощай нашъ отецъ и товарищъ! мы же, памятуя слова Спасителя: «Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ». (Матѳ. XI, 28.), съ твердой вѣрой скажемъ: «миръ праху твоему!».

IV.

Рѣчь преподавателя кіевской 3-й гимназіи, М. Г. Ружицкаго.

Позволь и мнѣ, дорогой нашъ духовный отецъ и товарищъ, проводить тебя въ путь далекій, въ міръ иной, гдѣ нѣтъ скорбей, печали и воздыханій, прощальнымъ словомъ. Я узналъ о тебѣ впервые, будучи еще мальчикомъ, воспитанникомъ бывшаго Кіево-Подольскаго уѣзднаго дворянскаго училища, еще тогда я слышалъ о тебѣ много хорошаго. Недавно судьба свела насъ вмѣстѣ, дала намъ возможность, служа одному и тому же дѣлу, вступить въ близкія, товарищескія отношенія. Сближаясь съ тобой, я все болѣе и болѣе убѣждался въ твоихъ достоинствахъ, предо мною все шире и шире раскрывалась твоя честная, правдивая душа, но вмѣстѣ съ тѣмъ, грустно вспомнить, я сталъ все больше и больше убѣждаться, что знакомство наше продлится недолго.

Здоровье твое, слабое отъ природы, благодаря усиленнымъ занятіямъ, благодаря той самоотверженно-порывистой дѣятельности, которой ты отличался и теперь среди насъ, какъ всегда и вездѣ, съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждымъ днемъ почти, замѣтно таяло, какъ свѣча на вѣтрѣ. Относясь съ рѣдкой добросовѣстностью къ исполненію своихъ обязанностей, ты не разставался съ нами, не покидалъ нашей школы до тѣхъ поръ, пока желѣзная рука тяжкой болѣзни не приковала тебя къ смертному одру. Посѣщая тебя во время послѣдней болѣзни, мы видѣли, какъ быстро, какъ неудержимо упадали твои силы, мы предчувствовали близость грустной развязки. Смерть твоя не была для насъ неожиданностью, тѣмъ не менѣе при извѣстіи о ней насъ обняло тяжелое чувство скорби. Печальная вѣсть, кромѣ скорби, вызвала у насъ и ясное представленіе о томъ, чемъ ты для насъ былъ, чего мы въ тебѣ лишились. Смерть, неумолимая, жестокая смерть, отняла у насъ наставника и руководителя, проповѣдывавшаго словомъ и дѣломъ, въ храмѣ и школѣ высокія истины христіанской нравственности, отняла у насъ человѣка въ полномъ и высокомъ значеніи этого слова, человѣка, доброе сердце котораго способно было сочувствовать горю ближняго, человѣка, который готовъ былъ послѣднимъ подѣлиться со всякимъ нуждающимся, человѣка, который способенъ былъ благородно негодовать противъ неправдъ въ мірѣ, бороться съ ними. Часто эта борьба дорого тебѣ обходилась, стоила тебѣ многихъ и тяжелыхъ жертвъ... Ты умеръ, нашъ незабвенный, и среди насъ не стало опытнаго, преданнаго своему дѣлу сотрудника въ нелегкомъ дѣлѣ воспитанія молодаго поколѣнія; ты умеръ, и у насъ не стало благороднаго, честнаго, откровеннаго товарища; ты умеръ, и эти, собравшіеся здѣсь, у гроба, вмѣщающаго твои бренные остатки,

собравшіеся, чтобы отдать тебѣ послѣдній долгъ, сказать послѣднее *прости*, юные питомцы нашей школы лишились прекраснаго наставника, любящаго отца и защитника, всегда готоваго оказать имъ въ трудную для нихъ минуту нравственную и матеріальную поддержку. Да, въ тебѣ нашъ добрый другъ, мы потеряли много, и скорбь наша по тебѣ была-бы слишкомъ велика, если-бы ея горечь не уменьшалась тѣмъ убѣжденіемъ, что скорбимъ не мы одни. Скорбитъ о тебѣ твоя осиротѣлая семья, твоя безутѣшная вдова и твои малютки дѣти, скорбитъ твоя старушка мать, нѣсколько дней тому назадъ пріѣхавшая въ Кіевъ похоронить въ лицѣ твоемъ послѣдняго сына, послѣднюю опору своихъ старческихъ лѣтъ, скорбитъ твоя паства, твои духовныя дѣти, скорбятъ и всѣ, близко знавшія тебя, умѣвшіе открыть и оцѣнить *всю* высоту твоей души...

Еще нѣсколько минутъ, и темная, сырая могила сокроетъ отъ насъ навсегда твое бездыханное тѣло; но духъ твой, мы твердо въ это вѣримъ, не покинетъ насъ, будетъ жить среди насъ, вдохновляя насъ на подвиги добра и правды, укрѣпляя въ трудностяхъ и невзгодахъ жизни, будетъ жить, витая добрымъ геніемъ надъ оставленными тобой юными питомцами твоими, для блага которыхъ ты жертвовалъ всѣми силами твоей возвышенной души. Прости же, нашъ добрый собратъ и другъ, покойся въ мирѣ, и насъ, родственныхъ тебѣ по духу, обрати отъ безсильной тоски по тебѣ къ отраднымъ воспоминаніямъ о твоихъ добродѣтеляхъ и подражанію имъ.

V.

Рѣчь преподавателя кіев. 3 гимн. П. К. Слѣсаревскаго.

Миръ праху твоему, достопочтенный іерей и незабвенный сотоварищъ нашъ на поприщѣ педагогическомъ! По

нашимъ понятіямъ, рано ты отходишь въ міръ вѣчнаго покоя отъ житейскихъ треволненій и долга сугубаго призванія твоего, оставляя скорбящія кровныя твоя, паству твою и юныхъ питомцевъ твоихъ на почвѣ, съобща намъ сродной по профессіи. Правда, полная горячей любви и привязанности, заботливость твоя о нихъ не оставляла тебя до послѣднихъ минутъ жизни и неоднократно съ одра тяжкой болѣзни подвигала тебя къ усилію продолжить или довершить то, что въ твоихъ соображеніяхъ представлялось неотложнымъ. А недоконченнаго, тебѣ казалось, оставалось много: по видимому ты желалъ бы всецѣло войти въ юныя души со всѣмъ твоимъ горячимъ рвеніемъ, возвышеннымъ чувствомъ и просвѣщеннымъ разумѣніемъ евангельскаго слова и жизни. Но неизслѣдованны судьбы Божіи, призвавшія тебя къ покою въ пору средняго возраста земнаго! Благоговѣйная покорность святой волѣ и тутъ оставила въ тебѣ, въ предсмертныхъ твоихъ чувствахъ, словахъ и распоряженіяхъ, поучительный примѣръ христіанскаго назиданія. Вѣчная же тебѣ и признательная память, духовный отецъ и нашъ собратъ и другъ, отъ твоихъ юныхъ питомцевъ, сослуживцевъ и всѣхъ знавшихъ тебя! Посѣянное же тобою доброе сѣмя въ молодыхъ сердцахъ, какъ оно ни представлялось бы ограничено въ твоемъ, неудовлетворенномъ при жизни, сознаніи, благодатію Божіею возрастетъ, окрѣпнетъ и дастъ плодъ, исполнивъ радость твою и за гробомъ: «достоинъ бо есть дѣлатель мзды своея» (Матѳ. гл. 10 ст. 10).

Воззванія къ славянамъ о войнѣ съ турками.

1) *Воззванія князя Милана къ сербскому народу.* «Моему дорогому народу. Уже годъ почти прошелъ съ того времени, какъ наши братья Босніи и Герцеговины взялись за оружіе, чтобы защищаться противъ необузданнаго самоволья и безчувственнаго насилія.

«Ихъ страданія всегда находили отголосокъ въ нашихъ братскихъ сердцахъ, и когда въ прошедшемъ году снова поднялись ихъ жалобы, я объявилъ нашей нарочной скупчинѣ, что я самъ, въ предѣлахъ своихъ слабыхъ силъ, буду трудиться для отысканія средствъ успокоить, наконецъ, возставшія провинціи, къ судьбѣ которыхъ мы не можемъ оставаться равнодушными.

«Пока мы ждали конца этому печальному порядку вещей на нашихъ западныхъ границахъ, другое возстаніе возгорѣлось на другомъ пунктѣ—границѣ нашего княжества, и Болгарія сдѣлалась театромъ разрушеній и истребленій, невѣдомыхъ нашему вѣку.

«Взрывы мусульманскаго фанатизма расширили поля сраженій всѣхъ странъ европейской Турціи и отозвались даже въ Цареградѣ, въ средѣ служителей и распространителей корана, которые имѣютъ теперь рѣшительное вліяніе на судьбу народовъ Имперіи. Хотя положеніе наше сдѣлалось невыносимымъ, мы не сдѣлали ничего, что могло бы помѣшать дѣлу умиротворенія, предпринятаго великими державами и Высокою Портою. Напротивъ того мое правительство сдѣлало все, что могло содѣйствовать успокоенію умовъ.

«Но, не смотря на все это, Оттоманское правительство окружило нашу страну сильною арміею съ устьевъ Тимока до устьевъ Дрины. Дикія орды баши-бузуковъ, черкесовъ и

арнаутовъ, очень часто поддерживаемые отрядами регулярнаго войска, врывались въ нашу страну, нападали на мирныхъ гражданъ, грабили наши святые храмы, сжигали наши дома, уводили нашъ скотъ и похищали повсюду наше имущество, оставляя послѣ себя только развалины и трупы.

«Братья! Если при видѣ такихъ поступковъ и враждебныхъ намѣреній Турціи, мы еще станемъ держаться на пути сдержанности, умѣренность наша примется за слабость, а наше молчаніе за страхъ, недостойный потомковъ Душановъ и Милошевъ. Сербы-воины! Мы вступаемъ въ бой, но не изъ чувства мести; насъ, также какъ и всѣхъ нашихъ восточныхъ братьевъ, понуждаетъ къ тому крайняя необходимость и потребность общаго мира. Гордитесь задачею, возложенною на васъ Провидѣніемъ, быть на востокѣ представителями просвѣщенія и свободы; ступайте впередъ смѣло и рѣшительно и поднимайте оружіе только противъ тѣхъ, кто противостанетъ вамъ на пути. Переступая границу, не забывайте, что мы вступаемъ въ страны, гдѣ живутъ наши братья, которые встрѣтятъ насъ съ распростертыми объятіями, какъ освободителей. Есть здѣсь и такіе, которые сдѣлались намъ давно чужды по вѣрѣ, но по крови и языку все-таки братья намъ. Если они поднимутъ на васъ оружіе, вырвите его у нихъ изъ рукъ; если они этого не сдѣлаютъ—пощадите ихъ, берегите ихъ жизнь, семейства, имущества и вѣру. Въ этомъ моя твердая воля и вашъ священный долгъ. Исполняя его, вы пріобрѣтете уваженіе просвѣщеннаго свѣта и докажете, что заслуживаете болѣе достойнаго мѣста въ средѣ народовъ.

«Братья! Съ полною довѣренностію къ вашему патріотизму и воинскимъ доблестямъ, я пойду съ вами, во главѣ васъ, и вмѣстѣ съ нами наши доблестные братья черногорцы,

подъ предводительствомъ вождя-витязя, моего брата, князя Николая; съ нами же дивные юнаки герцеговинцы и многоиспытанные мученики-босняки; наши храбрые братья болгары ждутъ насъ, и надо ожидать отъ свободомыслящихъ эллиновъ, что внуки Ѳемистокла и Боисарча скоро явятся на полѣ битвы.

«Пойдемте же впередъ, мои славные юнаки! Пойдемте во имя Бога Всемогущаго, всѣхъ народовъ праведнаго Отца! Пойдемте во имя правды, свободы и просвѣщенія!»

2) *Манифестъ князя черногорскаго къ своимъ подданнымъ* — «Черногорцы! Пять столѣтій уже турки угнетаютъ бо́льшую часть нашей націи и опустошаютъ прекраснѣйшія страны прежняго великаго сербскаго государства. Нашъ народъ неоднократно возставалъ, чтобы свергнуть съ себя рабскія цѣпи, но каждый разъ снова подпадалъ рабскому игу, такъ какъ, разъединенный и предоставленный самому себѣ, онъ не имѣлъ силъ освободиться. Черногорцы! Минулъ уже годъ, какъ нашъ народъ снова возсталъ съ крикомъ: «свобода или смерть!» Пламя возстанія, вспыхнувшее въ сосѣдней Герцеговинѣ, распространилось до Босніи и до страны болгаръ, нашихъ славянскихъ братьевъ по происхожденію и по религіи. Очередь дошла и до насъ: мы — всѣ, вся страна должны исполнить свой долгъ. Насъ зоветъ на борьбу наше призваніе, наша священная обязанность къ нашимъ братьямъ, борющимся до отчаянія, чтобы освободить себя изъ невыносимаго положенія, недостойнаго созданій Божіихъ. Черногорцы! Исполненный довѣрія къ вамъ, къ священному національному дѣлу, полный непоколебимой вѣры во Всемогущаго Бога и полагаясь на ваше воодушевленіе и на вашъ геройскій духъ, я объявляю вамъ, что мы начинаемъ борьбу противъ турокъ, самую священную и самую справедливую

борьбу—борьбу за освобожденіе и объединеніе нашего народа, безчеловѣчно угнетаемаго въ теченіи многихъ столѣтій. Мы не одни. Наша сестра, Сербія, развернула тоже знамя, которое и мы подняли. На нашей сторонѣ будетъ не только каждый сербъ, не только наши ближайшіе братья кроаты, но и миліоны братьевъ нашей славянской крови, находящіеся въ болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, чѣмъ мы. Въ настоящую минуту я желалъ бы дать вамъ, черногорцы, лишь одинъ совѣтъ: будьте на войнѣ еще великодушнѣе, чѣмъ во время мира. Щадите нашихъ магометанскихъ братьевъ и примите ихъ съ открытыми объятіями, если они выйдутъ къ вамъ на встрѣчу. Въ ихъ жилахъ течетъ наша же кровь, они тоже сербы; между ними находятся потомки нашихъ славныхъ предковъ, которыхъ сила завоевателя или заблужденіе побудили измѣнить христіанской религіи. Кто протянетъ намъ руку, тотъ будетъ нашимъ; религія не должна впредь раздѣлять насъ. Мы будемъ братьями и будемъ жить съ ними, какъ съ братьями. Мурадъ отнялъ у насъ наше царство, мы исторгнемъ его у Мурада. Цитинье, Видовданъ 1876 года, князь *Николай*».

3) ***Воззваніе князя Николая къ герцеговинскому народу.***—«Герцеговинцы! Призванный Божественнымъ Провидѣніемъ, побуждаемый чувствомъ долга, волею моего небольшаго, но свободнаго и геройскаго государства, братскою любовью къ вамъ и желаніемъ видѣть народъ сербскаго племени освобожденнымъ и соединившимся, я вступаю нынѣ въ Герцеговину, чтобы снять съ васъ цѣпи рабства, въ которыхъ вы томитесь уже много столѣтій. Богъ милосердъ и справедливъ; дѣло, за которое мы боремся, священно.

«Герцеговинцы мусульманской религіи! То, что я сказалъ вашимъ братьямъ христіанской религіи, относится

также и къ вамъ. Уже давно прошли тѣ времена, когда ваши предки приняли мусульманскую вѣру и взамѣнъ того получили долю власти и нѣкоторыя преимущества и привиллегіи. Турки мало-по-малу отобрали у васъ это достояніе и вы начали чувствовать на себѣ гнетъ и тиранію Турціи. Вы тоже не замедлили бы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ теперь ваши христіанскіе братья—райями.

«Мусульмане! Хотя вы принадлежите къ другой религіи, вы все-таки наши братья, ибо въ вашихъ венахъ течетъ сербская кровь. Вотъ почему я пришолъ освободить и васъ равномѣрно съ вашими братьями христіанами. Вы будете свободными въ свободной Герцеговинѣ. Будетъ одинъ законъ для всѣхъ и одно правосудіе.

«Никто не посягнетъ на вашу вѣру; она будетъ священна для всѣхъ; ручаюсь вамъ моимъ безпристрастіемъ и моею любовью къ вамъ.

«Герцеговинцы! Вы, которые столь богаты славными воспоминаніями вашего блестящаго прошлаго, вы, которыхъ можно считать драгоцѣннымъ украшеніемъ сербской націи, соединитесь подъ моимъ знаменемъ! Герцеговина должна быть свободна!»

Слово сербскаго митрополита Михаила.

Въ издаваемой въ Новомъ-Садѣ сербской газетѣ «Застава» помѣщено слово сербскаго архипастыря, бѣлградскаго митрополита Михаила, съ которымъ онъ въ Делиградѣ, послѣ молебствія, обратился къ сербскому воинству при выступленіи послѣдняго въ походъ противъ турокъ. Вотъ какою рѣчью преосвященный митрополитъ напутствовалъ сербскихъ воиновъ:

«Пророкъ и законодатель ветхаго завѣта Моисей сказалъ избранному народу Божію, когда онъ отправлялся въ бой противъ своихъ враговъ слѣдующее: «Послушай, Израиль! Вы исходите днесь въ бой ко врагамъ вашимъ: да не ослабѣетъ сердце ваше, ни убоитеся, ни устрашитеся, ни уклонитеся отъ лица ихъ» (Второзак. гл. XX, ст. 3)

«И ты, христолюбивый народъ сербскій, отпрявляешься теперь во имя Бога въ бой, чтобы защитить свой родъ и имя, свою землю, свою свободу и святую православную вѣру.

«Вспомни нашъ дорогой народъ, свою старую славу и свободу, вспомни свою милую родину, въ которой дикій варваръ совершилъ безчисленныя злодѣянія и которую онъ обратилъ въ пустыню. Наши угнетенные братья завопили; злодѣи облили всю землю Нѣманичей невинною кровью; они поработили, сожгли, разорили, обезчестили все, что свято и дорого для народнаго сердца.

«Эти адскія злодѣянія докучили Богу, и вотъ Онъ призываетъ сербскій народъ, духъ котораго повсюду поднялся, чтобы свергнуть тяжкое иго постыднаго рабства и отбросить разлагающееся тѣло, которое заражаетъ воздухъ и не даетъ нашему народу жить мирно и пользоваться успѣхами просвѣщенія для своего благосостоянія и человѣческаго прогресса, какъ другіе счастливые европейскіе народы.

«Голосъ храбраго сербскаго господаря, князя Милана, пусть одушевитъ ваши *юнацкія* сердца, чтобы вы неустрашимо вступили въ борьбу за свободу противъ рабства, за преуспѣяніе противъ варварства, за честный крестъ противъ полумѣсяца, символа невѣрія. На васъ теперь смотритъ вся Европа. На васъ надѣется все *сербство*, славянскіе братья съ нетерпѣніемъ ждутъ услышать радостную вѣсть о вашей побѣдѣ.

«На этомъ мѣстѣ, орошонномъ кровью сербскихъ юнаковъ, на этомъ полѣ въ Делиградѣ, усѣянномъ костьми нашихъ незабвенныхъ родолюбцевъ, я призываю теперь благодатную Божію силу: да укрѣпитъ она вашу мощь, чтобы мы потомъ могли встрѣтить васъ съ поля брани какъ побѣдителей, украшенныхъ неувядаемымъ вѣнкомъ славы, родолюбія и храбрости. Господь да даруетъ вамъ на помощь непобѣдимое небесное воинство святыхъ ангеловъ, дабы вы отмстили за Коссово и очистили бы дивную сербскую землю отъ заразы азіатскаго варварства.

«Во имя этого я благословляю васъ этимъ честнымъ Христовымъ крестомъ при отправленіи въ бой; да не ослабѣетъ ваше юнацкое сердце, да не уступите вы непріятелю, вѣруя, что съ вами Богъ, Который надѣлилъ васъ духомъ Обилича, Марка Кралевича, Хайдука-Велка, Сингелича, Милоша изъ Поцера и многихъ другихъ сербскихъ юнаковъ. Се Господь молитвами святыхъ Нѣманичей, вручаетъ вамъ въ залогъ знамя родолюбивыхъ Обреновичей. Да поведетъ оно васъ въ священный бой для побѣжденія врага.

«Наши отцы и дѣды, гораздо болѣе малочисленные, съ деревянными пушками и со слабымъ оружіемъ, побѣдили врага и завоевали для насъ свободу; ужели же мы теперь съ лучшимъ боевымъ приготовленіемъ, съ лучшимъ оружіемъ и гораздо многочисленнѣе предковъ нашихъ, не сокрушимъ врага сербскаго народа?

«Господь Іисусъ Христосъ да будетъ съ вами! Впередъ братья, во имя Бога, воспѣвая: Да воскреснетъ Богъ и да расточатся врази его.

«Будьте благословенны вы, которые идете во имя Господне. Аминь!»

ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

По славянскому вопросу. Корреспондентъ *новаго времени* въ письмѣ изъ Бухареста отъ 7-го іюля пишетъ слѣдующее: Всѣхъ начинаетъ проникать боязнь, что турки, на радость просвѣщенной Европѣ, раздавятъ бѣдныхъ славянъ еще разъ, и на этотъ разъ надолго. Славяне это отлично понимаютъ и нѣкоторые изъ нихъ, предаваясь отчаянію, говорятъ уже, что если имъ не помогутъ, то имъ останется только одно—принять магометанство!...

Принять магометанство! Вы слишали господа русскіе люди, господа православные... Помогите!.. Не о войнѣ вамъ говорятъ, а о деньгахъ: дайте денегъ! Дѣло идетъ о помощи тѣхъ, которые намъ болѣе сотни лѣтъ помогали, которые постоянно поддерживали насъ въ нашихъ войнахъ съ турками и частью своихъ успѣховъ, своихъ пріобрѣтеній на счетъ турецкой территоріи, мы обязаны этимъ самымъ сербамъ и болгарамъ, которые предоставлены самимъ себѣ теперь, въ эту страшную, рѣшительную минуту борьбы.

Неужели русское общество неспособно щедро помогать и вмѣстѣ съ тѣмъ понимать столь близкихъ интересовъ?

Надо обратиться къ религіозному чувству, которое такъ сильно у бѣдняковъ, у простаго народа. Духовенство могло бы сдѣлать въ этомъ случаѣ много своей горячею проповѣдью въ пользу христіанъ. Вѣдь ихъ дѣйствительно избиваютъ, какъ скотъ, вѣдь это не сказка, что вырѣзаютъ цѣлыя семьи, вырѣзаютъ цѣлыя училища, вѣдь это не сказка, что 60 монахинь, подвергшись всѣмъ поруганіямъ, были сожжены живыя...

(Новое Время № 142).

Отзывъ покойнаго митрополита Арсенія о сочиненіи Аскоченскаго. *Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею.* (Въ письмѣ отъ генв. 1857 г.)

«Вы желаете узнать о литературныхъ трудахъ своихъ мой отзывъ? Охотно и откровенно я готовъ сказать вамъ о томъ мое мнѣніе, не выдавая впрочемъ онаго за авторитетъ безошибочный. Я признаю въ васъ рѣдкую способность и терпѣніе собирать и подбирать къ избранному вами предмету все, что прямо или косвенно къ нему относится,—изъ малыхъ и часто недоконченныхъ данныхъ выводить заключенія казистыя, хотя отчасти и преувеличенныя, историческіе пробѣлы восполнять своими соображеніями и догадками, если не всегда, можетъ быть, вѣрными, то всегда правдоподобными,—мѣста опасныя и камни подводные удачно обходить искуснымъ молчаніемъ или полунамекомъ безукоризненнымъ,—разсказу своему, не смотря иногда на скудость содержанія, придавать живость и занимательность, а языку, по мѣстамъ, сообщать саркастическую терпкость и ѣдкость, словомъ, я нахожу, что вы больше можете оказать пользы себѣ и другимъ на этомъ поприщѣ, нежели за столомъ юридическимъ».

Изъ **Церковно-Общественнаго Вѣстника.**

Смотрителемъ кіево-подольскаго училища назначенъ наставникъ екатеринославской семинаріи Николай Кузмичъ Калинниковъ, о коемъ въ *Ц. О. В.* сообщается слѣдующее:

Г. К—въ, магистръ московской духовной академіи XXIII курса (1862 г.). По окончаніи курса онъ былъ наставникомъ семинарій: ярославской, рязанской и екатеринославской. О педагогической дѣятельности г. К—ва есть нѣсколько печатныхъ отзывовъ лицъ вполнѣ компетентныхъ

въ педагогіи, именно гг. ревизоровъ семинарій. Вотъ напр. буквальный отзывъ о немъ г. Лебедева въ отчетѣ о ревизіи рязанской семинаріи въ 1870 году: «Словесность и исторію литературы и логику преподаетъ магистръ К. очень удовлетворительно. Въ объясненіяхъ своихъ онъ стоитъ въ уровень съ современнымъ взглядомъ и держится преимущественно практическаго метода. Ученики его оказываютъ хорошіе успѣхи, хотя не безъ труда пріучаются къ простому выраженію мыслей. По логикѣ составлены имъ толковыя записки и, съ разрѣшенія ректора, отлитографированы. Этому же наставнику принадлежатъ многія ученыя статьи, напечатанныя большею частію въ «Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ».

Не менѣе похвальные отзывы о немъ сдѣланы были въ отчетахъ гг. Сергіевскаго и Ненарокомова. Вмѣстѣ съ учебною службою г. К—въ постоянно занимался и занимается и литературными трудами, и мы знаемъ нѣсколько довольно замѣтныхъ въ духовной журналистикѣ статей подписанныхъ его именемъ. Въ настоящее время онъ состоитъ сотрудникомъ «Православнаго Обозрѣнія» и «Руководства для сельскихъ пастырей» и нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ изданій.

Печатать дозволяется 30 Іюля 1876 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская ул. домъ № 83.